

Тель-Авив
Камерный театр

Марк ЗАХАРОВ,

На четверть бывший наш народ

Израиль сегодня — это какое-то запредельное, мистическое продолжение Российского государства. Израиль заимствовал у нас вахтанговский театр «Габиму», талантливых военачальников и ученых, мощный бюрократический аппарат и разговоры о социальной справедливости.

ТАК ПЕЛ Вл. Высоцкий, имея в виду население Израиля. Похоже, сегодня «бывшего» народа не было, поэтому работа на территории столь уникального государства не укладывается в привычные рамки зарубежной постановки.

Все вокруг говорят на древнем иврите, но иногда спрашивают:

«Ну как вообще самочувствие? Что новенького на московских сценах? Виктюк уже просто талантливый или очень?»

Я всегда отвечал: «Уже очень».

В течение двух месяцев я общался с бывшими москвичами, ленинградцами, киевлянами, одесситами... Одновременно с этим ставил на сцене Камерного театра в Тель-Авиве спектакль по пьесе Гр. Горина «Поминальная молитва» (что написано им для московского театра «Ленком» по мотивам Шолом-Алейхема). Проект оказался дорогостоящим, и его финансировали два ведущих государственных театра. Кроме Тель-Авива, в создании спектакля принимал участие театр из города Хайфы вместе с группой ведущих актеров.

Очень непростым делом оказалось создать русский спектакль по еврейской классике в государстве, где религия играет особую роль в жизни общества и фактически не отделена от государственных структур. Я старался не оскорблять религиозные чувства зрителей, но и не отступать от собственных режиссерских воззрений и тем более от христианского мировосприятия истории Тевье-молочника.

Для меня Шолом-Алейхем — явление общепланетарное, в равной степени принадлежащее евреям, русским, англичанам, немцам и всем другим детям нашей крохотной больной цивилизации, что расположилась на хрупком космическом теле прекрасной планеты с дрогнувшим озоновым слоем. Самое время при всем нашем многообразии ощутить себя единым народом земли. Но не тут было! Человеческая психика ограничена сиюминутными проблемами, национальными амбициями и, похоже, далека от глобальных проблем общепланетарной безопасности. Нога человека ныне занесена над пропастью, но он не умеет или не хочет этого понять. Наша ограниченность омрачена всевозраста-

ющей расовой непримиримостью... Примерно так рассуждал наш главный герой в прологе спектакля, постепенно обретая черты Тевье-молочника.

И еще о малоприятном. Я увидел, сколько талантливых людей потеряло наше многонациональное Отечество. Какая гигантская утечка мозгов продолжалась все эти годы и продолжается по сей день. Конечно, люди вольны выбирать себе в этой короткой жизни подходящее им местожительство на планете. Но мой ограниченный разум не может подняться до общепланетарных истин, и я предаюсь банальной человеческой скорби. Мы, сограждане бывшего СССР, создали для многих людей (не только для евреев) невыносимо тяжкие условия. Нашу землю покидают и трудолюбивые крымские греки, турки-месхетинцы и волжские немцы, и среди русских людей растет число эмигрантов, появились беженцы — неприкаянные изгои. Словом, я наблюдал вдаль от России потерянных ее сынов и дочерей — ученых, музыкантов, медиков, литераторов, артистов... и просто нормальных красивых людей.

«Русские» — так называют себя приехавшие в последнее десятилетие эмигранты. Они создали в стране особый колорит. Уже почти отменили сентябрьский Новый год и заменили его нашим, январским, незаконным, негосударственным. Израильское руководство дрогнуло и стало осторожно продавать елки и елочные украшения. Русский язык слегка потеснил язык библейских пророков. Из русского языка в иврит перекочевало много слов, но мы в Израиле нашли лишь одно для нас подходящее — «шабат» (суббота). Отсюда: учти, что — шабаш! Шабаши! Кончай работу! Перекур! Отдай! Танцы! Действительно, в шабат в полудня — общенародное гуляние и танцы. Интересно, как поведет себя в субботу в отношении танцев наш новый посол Бобин...

ИСПОЛНИТЕЛЬ роли Тевье Хиски Ашер приехал в Израиль сорок лет назад из Болгарии. И это обстоятельство предоставило мне счастливую возможность общаться с ним почти без переводчика.

Хиски — небольшого роста человек с чаплинскими грустными и смеющимися глазами. Человек мощного нервного потенциала. В израильском спектакле Те-

11.03.92

Афиша спектакля тель-авивского Камерного театра «Молитва»

вье — не выдающаяся личность. Вначале это такой же маленький человек, как все мы. Но этот маленький человек превращается на наших глазах в большого Человека, в гражданина мира, проходящего горнило шекспировских страстей. И он проходит этот путь, покоряя нас своим нравственным восхождением...

Не без оснований я предполагал, что мое приглашение поставять в христианских позициях хрестоматийную историю еврейского героя связано с жадной жаждой Руководство Камерного театра жаждало сенсационной ситуации, ибо живому театру время от времени необходима встряска. Театр не может оставаться в центре зрительского внимания без скандальных акций с последующими громкими дискуссиями. Но оказалось, что религиозные ритуальные мотивы не вызвали ожидаемого раздражения. Уважая чужую религию и не усиливая этнографическую достоверность, я вместе с художником Олегом Шейнцисом нашел деликатную и, как мне показалось, условно-театральную форму ритуальных аспектов. Центр дискуссионного напряжения неожиданно переместился в иную сферу...

Более того, религиозные, чисто христианские мотивы вызвали у довольно консервативного зрителя известное уважение. После одной из самых трагических сцен в сельской православной церкви, когда любима дочь еврея Тевье становится христианкой, всегда вспыхивала дружная зрительская овация. Этого я, признаться, не ожидал. Конечно, надо отдать должное хоровой группе, что создала редкое по красоте и силе православное песнопение. Хор из бывших солистов ведущих оперных театров России сразу же покорила сердца зрителей.

Но Тевье — хрестоматийный герой Борщаги и исплин, его изучают в школе, он — украшение еврейской литературы. У нас же это обыкновенный человек небольшого роста...

Самый счастливый момент у художественного руководства и дирекции наступил после второго спектакля. В театре раздались звонки разгневанных педагогов с требованием запретить спектакль «за искажение классики». На главного режиссера Камерного театра Илана Ронена снизошла благодать и нескрываемое художественное удовлетворение,

На меня тоже. С трудом сдержал слезы и вспомнил бывшее: милых и родных цензоров, с которыми мое поколение прошагало плечо к плечу, выворачивая друг другу руки. Сразу захорошело, и я отчасти помолодел.

Дал Израиль сегодня — это какое-то запредельное, мистическое продолжение российского государства. Израиль позаимствовал у нас вахтанговский театр «Габиму», талантливых военачальников и ученых, мощный бюрократический аппарат и разговоры о социальной справедливости. Но есть и различия: фрукты дешевые, магазины раздражают изобилием, таксисты, останавливаясь, не объявляют, куда им хочется ехать.

За кулисами самого популярного в Израиле Камерного театра обстановка до боли похожа на нашу, родную. Приятно, что ценные вещи из реквизита тоже пропадают и тоже часто. Уборщикам и рабочим-монтажникам замечания лучше не делать. Бессмысленно. Они тут же переходят в дружную массированную атаку на дирекцию и бухгалтерию.

Однако любой полученной ролью артист, как правило, дорожит. С ним заключается контракт, несмотря на репертуарный характер театра и в основном постоянную труппу. Контракт заключается на все время эксплуатации спектакля и расторгать его крайне невыгодно как для дирекции, так и для исполнителя. В обоих случаях речь идет о громадных неустойках, которые в условиях свободноконвертируемой валюты крайне обременительны. За каждый сыгранный спектакль артист получает заметное в финансовом отношении вознаграждение, еще более выгодные условия обнаруживаются при двух спектаклях в день. Тем не менее, что приятно, артисты опаздывают на репетиции, и дирекция использует эффективную систему штрафов, сумма которых сразу же публикуется на доске приказов. Штрафуются и другие акты разгильдяйства и халатности со стороны работников постановочной части, что в целом не отражается на хорошем настроении коллектива, который ведет себя весело и свободно. Главное — не затевать разного рода планерок и заседаний. На совещаниях здесь говорят все сразу, вместе и на повышенных тонах. Слова на иврите звучат короче, но сами выступления длиннее. Никакой синхронный перевод не в силах передать одновременно звучащую аргументацию всех собравшихся, тем более что каждый выступающий придерживается своего особого мнения...

СУПЕРМАРКЕТ, в который я часто захожу по соседству с отелем, оказался нашим филиалом. Не по ассортименту, конечно, а по кадровому составу. Продавцы сразу же узнавали меня (в Израиле смотрят два канала нашего телевидения), и пока я ходил с тележкой, постоянно возникали спонтанные пресс-конференции. Вопросы задавались интересные, потому что все кассирши, по-моему, обладали учеными степенями, а подсобные рабочие имели высшее гуманитарное образование, и среди них просматривались явные доктор наук.

Здесь я касаюсь больной темы. Последняя волна эмиграции натолкнула на серьезные сложности. В маленьком государстве оказалось слишком много философов, врачей, инженеров, педагогов и музыкантов. Последние часто играют на центральных улицах, демонстрируя виртуозное мастерство.

Конечно, судьбы складываются по-разному. Пожилым людям выучить иврит и получить работу по специально-

сти очень трудно, но молодежь держат, и весьма успешно...

Иврит — язык пустыни, сухой и колючий, в нем нет многообразия комедийных полутонов, свойственных идишу, на котором писал Шолом-Алейхем. Очень трудно было найти юмористический эквивалент многим трагикомическим построениям драматурга Горина. Создание комедийных ситуаций в спектакле вообще давалось с большим трудом. Я выучил восемь слов на иврите и решил дальше своих познаний не углублять. Кроме того, страшно раздражало, что сколько ни читай — ничего не прочтешь, тем более что читать надо всегда с конца. То есть сразу налево. На первых застольных репетициях, чтобы произвести впечатление вдумчивого художника, я доставал экземпляр пьесы на иврите и внимательно следил указательным пальцем за репликами. Примерно минуты через две-три выяснилось, что пьесу я держу вверх ногами и слезу за чтением не с того конца.

И все-таки самое сильное впечатление произвел на меня не собственный спектакль, который был назван «Молитвой». Особое изумление я испытал на спектакле «Чайка» в постановке режиссера Академического Малого театра Бориса Морозова. Когда на сцене остались хорошо знакомая мне бывшая ленинградская актриса Ирина Селезнева и бессмертный Мих. Козаков в роли Тригорина и обе знаменитости страстно заговорили на иврите, я пережил шок, сравнимый лишь с известием об отделении Украины от России.

Короче, дни, проведенные в Израиле, — это сплошной калейдоскоп сильных, подчас стрессовых ситуаций. Достаточно упомянуть (именно упомянуть, рассказать невозможно), что такое Иерусалим — исторический центр трех религий, Голгофа и Мертвое море.

И сионисты при ближайшем рассмотрении оказались не людоедами, а весьма просвещенными людьми с неожиданными смелыми и плодотворными идеями. Они решили организовать и финансировать русский театр «Гешер» («Мост») во главе с режиссером Евгением Арьев. Театр работает интересно, ибо его состав — молодые и талантливые артисты, некоторые из них — мои бывшие студенты.

У многих российских артистов опечаленный взор, следы переутомления и даже излишняя худоба. Один Леонид Каневский, как был неунывающим майором Топиным, таковым и остался.

Вероятно, не стоит хвалиться по поводу рецензий и восторженных оценок. В конце января бывший работник ВААП Михаил Шульман спросил меня о ползущих по Израилу слухах, будто я вместе с художниками О. Шайнцисом и В. Камоловой собираюсь вернуться в Москву. Я подтвердил свое намерение. Он не поверил. Я снова подтвердил, он снова не поверил. Я поклялся. Тогда он трагически поднял брови домиком и воскликнул:

— Ты сошел с ума! Ну... если сейчас можно туда возвращаться!

Проблемы, которые обрушились на меня по прибытии в Шереметьево-2, включая пропавший чемодан, подтвердили, что Шульман — человек осведомленный, но что делать, если здесь моя родина с дорогой сердцу сплошной криминогенной зоной? Здесь — ласкающие душу жаркие дискуссии о необходимости выхода из кризисной ситуации с возможным переходом в рыночную экономику. Конечно, не сейчас. Вероятно, в далеком будущем. Куда нам спешить?